

Что же касается актрисы, такой поэтической и нежной-в исполнении Нинели Чанкветадзе, то, кажется, она служит живым воплощением излюбленной формы Луи Жуве, режиссера, актера, друга Жироду, признававшегося: «Театр — это прежде всего поэзия и любовь».

Но есть и другой театр, он дарит не праздник, а труд. Труд и напряженные мысли, бьющаяся над вечным как мир вопросом о том, где же и когда стирается грань между добром и злом. О том, как легко и незаметно переступаем мы грань, сами не ведая о важности первого шага по этому коварному пути.

Роберт Стуруа привез в Москву шекиперовского «Макбета» — одну из самых, быть может, зловещих трагедий, в которой зло нагромождается на зло и даже не прикрывается девизом творимого добра. Этот спектакль замечательного грузинского режиссера интересно сравнить с показанным не так давно в Москве «Макбетом» Темира Чхеидзе, поставленным в БДТ им. Г.А. Товстоногова. В петербургском спектакле было ощущение того, что режиссер подводит итог веку. Нашему XX столетию, завершающемуся так трагично, так горько. У Роберта Стуруа «магнитное поле» спектакля затягивает иным — кошмаром непрекращающегося кровопролития, безграничностью лицемерия, толкающего на борьбу за корону. Зачем? В чем смысл пышного коронавания, когда кровь прольется все равно, когда безумие уже не оставит Макбета (Заза Палушвили), а втянет в свою мощную орбиту и его жену, леди Макбет (замечательная по выразительности работа молодой актрисы Нино Касрадзе, покорившей московичей два года назад своими работами в спектаклях Стуруа), шутя, легко и радостно, словно игру, начинавшую цепочку убийств?..

Безумие и вождение — вот две основные метафоры театрального повествования Роберта Стуруа. Они спаяны в неразступаемый клубок, и не сразу поймешь, где начинается вождение к женщине, где оно становится вождением к власти, что страсть, а что болезнь, безумие... Этот дикий конгломерат ощущений заставляет и Макбета, и леди Макбет постоянно присутствовать воображением там, где свершаются кровавые убийства: словно внутренним зрением видят они тибель доброго Дункана, верного Банко. И дальше, дальше, словно круг безумия расширяется, словно все так или иначе успели хлебнуть страшного варева ведьм, дарующего силу прозревания и... ужас безумия. «Страна моя больна», — размышляет Макбет, не понимая, что заразил ее именно он. И эта мысль как страшна, так и современна для нас. А яркие краски сценографического решения театрального пространства (художник Мириан Швелидзе) словно укрупняют, делая ее непереносимо яркой для глаз, картину больного, обезумевшего мира.

Два спектакля двух грузинских режиссеров — словно две стороны медали. Единой медали мировосприятия, мироощущения. И обе они по-своему выразительны и достоверны. Ученик Туманишвили, Роберт Стуруа, вместе с многочисленными зрителями смотрел спектакль «Амфитрион-38». И в финале, когда зазвучали аплодисменты и актеры, словно вызывая к рампе режиссера спектакля, зааплодировали вместе с залом, подняв вверх залитые слезами лица, Роберт Стуруа тоже посмотрел куда-то вверх. Может быть, в эту минуту двенадцатого дня после ухода Михаила Ивановича Туманишвили всем им показалось, что он смотрит на них и с той же силой, что его ученики, ощущает успех своего последнего спектакля, своего завещания...

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Театр Стуруа и Туманишвили

е 10

В рамках Второго международного театрального фестиваля им. А. Чехова в Москве сыграли спектакли два известных и любимых коллектива из Тбилиси — Театр им. Шота Руставели и Театр киноактера Роберта Стуруа. Московичи видели два года назад, когда руставелиевцы показали вновь свой «Кавказский меловой круг» и новые работы, а Михаила Туманишвили ждали особенно — последние годы театралы могли питаться лишь слухами о том, над чем работает этот замечательный режиссер. За неполные две недели до приезда Театра киноактера пришла горькая весть о кончине Михаила Ивановича, создателя не только театра Туманишвили, но и особой «школы Туманишвили». Но его ученики и соратники, переполненные горем, все же приехали на фестиваль — наверное, это было единственно возможное поминовение Мастера: открыть зрителям его своеобразное завещание, спектакль по пьесе Жана Жироду «Амфитрион-38». Перед началом развернули в фойе Театра на Таганке, где игрался спектакль, выставку фотографий Туманишвили, и перед нимгами из этих фотографий поклонники творчества Михаила Ивановича клали цветы...

Думается, тонкий и мудрый мастер совсем не случайно обратился в смутные времена к комедии французского драматурга, создавшего тридцать восемью интерпретацию античного мифа. И уж конечно — не только для того, чтобы лишний раз дать измученным жизнью людям посмеяться и ощутить себя персонажами перипетий, в которых власть, любовь, человеческое достоинство, умение отстаивать право на чувство оставались всегда практически неизменными. Менялось все — только условия игры были и есть все те же...

«Амфитрион-38» — это не просто своего рода завещание Мастера, оставленное нами, хотя и в этом качестве спектакль воспринимается остро. Это еще и спектакль человека, умеющего любить и по-настоящему ценить жизнь. И — верить; несмотря ни на что верить в слова, так бесшабашо произносимые Амфитрионом (Заза Микашавидзе): «Война между соседями долго не тянется...»

Радостный смех перемешан с печалью настолько, насколько бывает это, пожалуй, лишь в реальной жизни, когда за забавными переодеваниями угадываются все те же люди, когда вдруг, в какую-то минуту понимается истинная ценность любви, и все заглушает тихий шепот: «Я люблю тебя... я люблю тебя...» И ничего нет важнее в мире: ни милости богов, ни сплетни смертных не сравнятся с этим светлым чудом растворения.

В пьесе Жироду война высмеяна, с омерзением и отчаянием дегероизирована. В спектакле Туманишвили она сознательно отодвинута в угол, подобно тому, как в зале кривых зеркал самый причудливый «ужастик» запрятан поглубже, чтобы выныривал из темноты неожиданно. Но и самая темнота развезена в спектакле «Амфитрион-38»: он светел и чист, как мудрое знание об истинном и ложном. А этим знанием Михаил Туманишвили не только обладал, но и щедро делился с другими. В первую очередь, со своими учениками, блистательно сыгравшими эту тонкую лирическую комедию: Георгием Пипинашвили (Юпитер), Русудан Болквадзе (Меркурий), Гией Абесалашвили (Соэй), Экой Кхиани (Леда)...

Общая зап. - 1996. - 30 мая -